

СИСТЕМА ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА ГЛАЗАМИ ФУНКЦИОНАЛИСТА (К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЯЗЫКА)

А. Н. Рудяков

В статье освещена проблема определения естественного языка.

Ключевые слова: функционализм, язык, речь

У статті висвітлено проблему визначення природної мови.

Ключові слова: функціоналізм, мова, мовлення

The article deals with the problem of definition of natural language

Key words: functionalism, language, speech

Предлагаемая статья посвящена проблеме определения естественного языка, которая приобретает особую **актуальность** в наши дни, когда лингвистика переживает период смены научной парадигмы: мы наблюдаем процесс, суть которого можно определить как функционализацию семиотического понимания естественного языка. Эвристическая недостаточность традиционных (семиотических, семиологических, «знаковых») представлений о сущности языка является фактором, серьезно тормозящим поступательное движение лингвистики, ее превращение в науку XXI века. Вот почему мы считаем своевременным возвращение к давно не обсуждавшемуся вопросу: что такое человеческий язык?

Как мы уже писали [1], поиск нового ответа на этот вопрос не предполагает абсолютного отрицания уже существующих постулатов. Подлинное содержание проблемы построения адекватной дефиниции языка заключается в установлении истинной иерархии определений, известных любому языковеду: одно из них, восходящее к Фердинанду де Соссюру, гласит, что язык есть знаковая система, другое – характеризует язык как орудие коммуникации.

Конечно же, ни одно из упомянутых определений языка само по себе не является ошибочным.

Как представляется, ошибочным является утверждение о том, что определения языка, с одной стороны, как знаковой системы и как орудия коммуникации – с другой, сосуществуют в качестве равноценных, не стратифицированных, в равной степени отражающих сущность языка.

Что есть язык? Система знаков, способная к функционированию, или орудие, имеющее обусловленное функцией строение? Два возможных ответа на этот вопрос приводят к двум кардинально различающимся научным парадигмам, по-разному отвечающим на интересующий нас вопрос.

Для того чтобы стоящая перед нами проблема приобрела более конкретные очертания, мы, во-первых, должны установить, какое количество определений может иметь та или иная реалья Универсума; во-вторых, должны выяснить, каким образом организованы эти определения: в частности, существует ли иерархическая градация дефиниций по степени их соответствия сущности реалии?

Очевидно, что решающее значение в данной ситуации имеет гносеологическая основа исследования. Поэтому прежде чем перейти непосредственно к анализу семиотической теории языка и ее альтернативы, охарактеризуем «лингвистический функционализм», с точки зрения которого мы пытаемся рассмотреть интересующую нас проблему.

Термин «функция» широко используется в современном языкознании. Парадоксально, однако, что при этом собственно содержание категории «функция» не определяется, являясь, по умолчанию, заведомо понятным. Эта «само-собой-разумеемость» функции, как и других подобных научных абстракций, очень обманчива: следствием ее является несомненно присущее определенной части лингвистов отождествление функции и использования, применения, употребления – функционирования.

Логика определения научных понятий требует указать на гипероним идеи функции, а также дифференцировать ее от «собратий», идентифицируемых тем же гиперонимом. Только такая дефиниция способна показать принципиальную гносеологическую специфичность функционализма как особого видения мира, которое характеризуется не простой констатацией существования функций предметов и явлений, а исходит из примата функционального в их определении. Особенно важным представляется нам демонстрация альтернатив функционализма: из примата каких сторон предметов и явлений можно исходить и, следовательно, сколько возможно определений реалии?

Собственно, уже ответ на вопрос, какое понятие является родовым по отношению к понятию «функция», способен значительно прояснить суть проблемы. Ответ, который автору представляется наиболее предпочтительным, звучит так: функции – это особого рода **качества**, свойства реалий Универсума.

Специфичность функций как особого рода качеств проявляется в их противопоставленности двум другим основным видам свойств реалий Универсума – качествам **природным** и **системным** (системные качества в данной статье подробно не рассматриваются). К числу природных (их можно назвать субстанциональными) качеств следует отнести материальность, идеальность, знаковость, органичность, неорганичность, каменность, твердость, цвет, форму, а применительно к лингвистическим объектам – артикуляцию, знаковость, семный набор, морфемный состав. «Второй род образуют функциональные

качества. В основе этого типа качественной определенности лежит принцип специализации или назначения. Здесь определенность материи теряет свое, так сказать, номинативное значение и назывательно – определительная роль переходит к функции... Так, **именно по этому принципу определяются все предметы созданной человеком «второй природы»**. Скажем, многие предметы домашнего обихода могут быть изготовлены из различных материалов и **качество материи здесь не имеет решающего значения** (выделено нами. – *A.P.*); главное состоит в том, что они должны соответствовать своему назначению, своей функции. Это и есть их функциональное качество» [2].

Эта мысль очень важна для осознания того, что функциональный подход не является одним из многих альтернативных инструментов познания мира, а является осознанным следованием логике, подлинным законом организации очеловеченного и очеловечиваемого Универсума.

Научное описание любого предмета или явления не может быть адекватным без описания какого-либо из трех этих качеств.

Более того, простое перечисление качеств не является определением реалии, потому что природные и функциональные качества соотносятся как форма реалии и ее сущность, т.е. мы имеем дело не с простой совокупностью качеств реалии, а с их иерархией, адекватное отражение которой – необходимое условие постижения сути исследуемого объекта.

Трудно переоценить важность этого тезиса для дальнейшего изложения: **природа реалии есть форма ее функции, природа реалии есть явление, функция – сущность**. Это означает, что именно функция реалии является тем фактором, который обуславливает ее природу. Парадокс заключается в том, что лингвист совершенно спокойно воспримет этот тезис, если речь пойдет о топорах или других орудиях, например авторучке, природа которой есть полый стержень, заполненный красящим веществом, с шариком на конце, помещенный в специальный корпус, а подлинная социальная – функциональная – суть – инструмент для письма. Лингвист смутится тогда, когда последовательно продолжая эти рассуждения, мы скажем, что таким же образом должны быть стратифицированы определения языка и, например, слова. Это означает, что **констатация знаковости языка как его природного качества достаточно далека от постижения его сути**.

Итак, в предлагаемой работе термин «функция» является гипонимом понятия «функциональное качество». Задача заключается в том, чтобы определить тот дифференциальный признак, который выделяет функцию из ряда других функциональных же качеств. Дело в том, что, как правило, реалии характеризуются целым спектром функциональных качеств, иначе говоря потенциальных использований, применений, назначений... Так, топор, будучи 'орудием для рубки и тески', может быть использован и как холодное оружие, и как метательный спортивный снаряд, и как бритва, и как пресс-папье. Это множество функциональных качеств является потенциально открытым, каждое из них имеет право на существование. Очевидно, тем не менее, что в этом множестве выделяется **центр, ядро, главное функциональное качество, которое есть подлинное предназначение реалии, смысл, причина ее социального бытия**. Представляется целесообразным именно это ядро именовать функцией реалии, в отличие от применений как качеств второстепенных или окказиональных.

Итак, функция – это суть и смысл существования реалии, принадлежащей очеловеченному Универсуму; функция предопределяет природу реалии.

Как представляется, именно этот способ видения мира и составляет существо функционализма, являющегося наиболее органичной гносеологической призмой для постижения Универсума, в центре которого – *Homo sapiens*, воспринимающий свой мир независимо от его масштаба – дачный участок или Вселенная – как *мир для Я или Мы*. Функционализм как способ мировосприятия, исходящий из примата функции, позволяет исследователю увидеть функциональные системы и функциональные части этих систем, функциональные единицы, функциональные тождества и различия, формирующие структуры этих систем – увидеть то, что принципиально недоступно для дофункционального видения. Таким образом, функционализм не сводится к простой констатации существования у реалий назначения и способности к функционированию: примат функции – это осознание того, что функция творит реалию, определяя ее «природу», ее субстанциональное строение.

Исходя из этого, функциональное видение языка не может удовлетвориться определением, **исходящим из примата природных – знаковых – его свойств** и звучащим примерно так: знаковая система, используемая для коммуникации.

Фердинанд де Соссюр определил язык как систему знаков: «естественной для человека является не речевая деятельность как говорение (*langage parle*), а способность создавать язык, т.е. систему дифференцированных знаков, соответствующих дифференцированным понятиям» [3, с. 49]. Соссюр открыл важнейшее природное качество естественного языка – двусторонность. Стремясь подчеркнуть неразрывность единства двух сторон знака, Соссюр сравнивает его «...с химическим соединением, например с водой, состоящей из водорода и кислорода; взятый в отдельности, каждый из этих элементов не имеет ни одного из свойств воды» [3, с. 135]. Открытие Соссюра трудно переоценить: определив язык как систему знаков, Соссюр открыл абсолютно новый вид субстанциональных свойств реалий Универсума, новый вид природных качеств – знаковость, которая не может быть сведена к материальности или идеальности. Поэтому на вопрос: материален знак (язык) или идеален с нашей точки зрения, есть только один ответ – знак (язык) знаков.

Отсюда следует, что системообразующим фактором, порождающим и организующим знаковую систему, считается человеческая потребность в средствах выражения идеальной системы социального опыта, представляющая собой систему понятий, систему сигнификатов. Эта идея достаточно прочно утвердилась в лингвистике: «Вне опыта нет языка... Все естественные человеческие языки представляют собой структурно организованную классификацию человеческого опыта, и содержанием деятельности общения с помощью языка в конечном счете всегда является опыт» [4].

При всей относительной правильности и кажущейся предельности этого утверждения остается абсолютно непонятным, что является движущей силой стремления человека к выражению, к постоянной экспликации своего опыта.

Лучше всего с тезисом о семиотической системе как хранителе знания сочетается идея передачи информации, но так ли это? Что заставляет людей обмениваться информацией?

Итак, исчерпывает ли сущность языка его определение в качестве знаковой системы, используемой людьми в целях коммуникации?

Констатация примата коммуникативной функции языка стала общим местом работ по лингвистике, своего рода «необходимостью мышления». Функциональность в лингвистике стала пониматься как коммуникативность. Эта ситуация в нашей науке дала возможность авторам работы по функциональной лексикологии написать, что никто из лингвистов не оспаривает тезис о том, что «язык является средством общения с ведущей коммуникативной функцией» [5]. В рамках этих представлений предпочитают оставаться лингвисты, которые тяготеют к исследованию внутрисистемных законов организации языка и которым необходимо абстрагироваться от взаимодействия языка со «средой».

Иная – некомуникативная – точка зрения на основную функцию языка имеет очень давнюю традицию, восходящую к античности, породившей риторiku – науку об убеждении, науку о формах и методах речевого воздействия на аудиторию, которая разрабатывалась в трактатах Исократы, Герматора, Аристотеля, Аполлодора, Цицерона. Авторы книги «Общая риторика», рассматривая продолжение античной риторической традиции, упоминают трактат преподобного отца Лами, написанный в 1688 году, в котором, в частности, выражена уверенность автора в избыточности определения риторики как искусства правильной речи с целью убеждения, потому что, по мнению отца Лами, говорим мы только для того, чтобы вызвать созвучные нам чувства у тех, кто нас слушает [6].

Из числа лингвистов нашего века идею регулятивности языка отстаивал Л. Блумфильд [7]. В списке ученых-нелингвистов, абсолютно убежденных в принципиальной регулятивности естественного языка и являющихся предтечами сегодняшнего наступления этой чрезвычайно продуктивной, с нашей точки зрения, идеи, должен быть обязательно упомянут Б.Ф. Поршнев и его блестящая книга «О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии)» [8]. В ряду «регулятивистов» необходимо упомянуть и датского ученого Р.М. Блакара [8].

Попробуем, однако, отказаться от такого соблазнительного способа аргументации, как ссылка на авторитет, и попытаемся в поисках решения проблемы ответить на вопрос, зачем человек говорит.

Почему люди говорят? Мы должны задать себе этот «странный» вопрос, потому что именно таков перевод на язык житейских разговоров очень абстрактного вопроса «Какова функция текста?» (и одновременно функция языка, потому что текст есть одна из форм существования языка), подразумевающего поиск одной причины говорения всех живших, живущих и еще не начинавших жить homo sapiens. Реакция филолога на этот вопрос вполне предсказуема: оттолкнувшись от классификации функциональных стилей речи, он скажет, что: «Язык как явление социальное выполняет различные функции, связанные с той или иной сферой человеческой деятельности. Важнейшие общественные функции языка: *общение, сообщение, воздействие*» [10].

Попробуем, однако, задать еще один простой вопрос: А может ли человек не хотеть говорить? Можно ли промолчать всю жизнь? Насколько велика степень произвольности, необязательности, факультативности говорения для Homo sapiens (для того чтобы избежать напрашивающихся, но поверхностных возражений, скажем, что под говорением мы понимаем не артикулирование, а порождение текстов)?

Движущей силой всякой человеческой деятельности является противоречие между должным и данным (сущим).

Поэтому ответ на вопрос, почему мы говорим, только на первый взгляд странен: по той же самой причине, по которой берем в руку молоток, топор, бормашину, кисть, месим тесто, сеем зерно, добываем руду и прочее и прочее... На самом деле он закономерен потому, что при всей своей несхожести все эти деятельности в принципе направлены на решение одной задачи – на «очеловечивание» Универсума, на превращение его в то, чем он должен стать с точки зрения субъекта (индивида, социума, человечества). Для оснащения этой магистральной человеческой деятельности создаются орудия. Материя организуется д л я.

Во что должна быть организована материя, если объектом воздействия, регуляции, преобразования должно стать сознание другого человека? Ответ: в знаковую систему. Единственным данным человеку самим человеком инструментом «наведения порядка» в сознании собеседника является язык, являющийся в форме текста.

Речь – это деятельность, сущность которой заключена в использовании языка с целью воздействия на собеседника. Язык – это инструмент такого воздействия. Его природа, его устройство подчинены

необходимости выполнения этой функции так же, как строение тела рыбы – для плавания, так же, как строение автомобиля – для езды...

Таким образом, системообразующая функция языка – это регулятивная Функция. Язык – это орудие формирования, экспликации и навязывания мысли. Системообразующей, главной, определяющей саму сущность Языка является третья из названных функций: регулятивная. Представляет интерес вопрос о соотношении коммуникативной и регулятивной функций: с нашей точки зрения, коммуникация характеризует текстовое взаимодействие по его природе, тогда как регуляция – по функции. Иначе говоря, передача информации это форма осуществления регулятивного воздействия.

Таким образом, мы считаем необходимым заменить определение «язык есть знаковая система и средство общения» на определение «язык есть орудие регуляции, имеющее знаковую природу».

Функционалист видит в объекте своего исследования не устройство, обуславливающее функцию, но обусловленное функцией строение, строение как результат порождающего, организующего влияния социальной функции. Важнейшим следствием подлинной функционализации определения языка является вывод о том, что языковая система, несомненно имеющая знаковую природу, не состоит из знаков. Функциональная система состоит из функциональных же составных частей, описание которых есть первоочередная задача лингвистики.

Литература:

1. Рудяков А.Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика. – Симферополь, 1998. – С. 19.
2. Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К.Маркса. – М., 1976. – С. 72.
3. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. – М., 1977.
4. Звегинцев В.А. Язык и общественный опыт. К методологии генеративной лингвистики //Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. – М., 1970. – С.281-306.
5. Бацевич Ф.С., Космеда Т.А. Очерки по функциональной лексикологии. – Львов, 1997. – С. 9.
6. Общая риторика. – М., 1986. – С. 34.
7. Блумфильд Л. Язык. – М., 1968.
8. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). – М., 1974.
9. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти //Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987.
10. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. – М.: Высш.шк., 1987.